

О настроеніяхъ.

А. Безантъ.

Какъ извѣстно, Теософическое общество ставитъ своей цѣлью распространеніе въ мірѣ Божественной Мудрости, и многіе изъ насъ вѣрятъ, что истины эти сохранялись для міра — поколѣніе за поколѣніемъ—великимъ союзомъ духовныхъ Учителей, который намъ извѣстенъ подъ именемъ *Бѣлой Ложи*. Учителя эти имѣютъ право на нашу преданность, ибо Они представляютъ изъ себя величайшихъ слугъ человѣчества. Они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ руководителей человѣческой расы необъятностью своего самопожертвованія на пользу міра и совершенствомъ, съ которымъ выполняется Ихъ служеніе. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что самое существованіе Ихъ есть непрестанная жертва. Какъ ни велики интересы, съ которыми Они имѣютъ дѣло, какъ ни всеобъемлюща мудрость, съ которой Они подходятъ къ міровымъ вопросамъ и къ эволюціи человѣчества, тѣмъ не менѣе мы знаемъ — нѣкоторые по наслышкѣ, а нѣкоторые и по личному опыту — съ какой полной и нѣжной симпатіей Они относятся къ индивидуальнымъ усиліямъ отдѣльныхъ личностей. Для насъ почти невозможно себѣ представить, какъ такіе необъятные горизонты могутъ соединяться съ полной отчетливостью частныхъ наблюденій. Сами мы, по мѣрѣ того какъ наши интересы расширяются, бываемъ склонны относиться небрежно къ подробностямъ и смотрѣть на мелочи жизни какъ на недостойныя вниманія. Мы еще не достигли той высоты, когда *совершенство*

производимой работы ставится несравненно выше того значенія, которое эта работа имѣетъ въ глазахъ міра. Для насъ чрезвычайно затруднительно, и именно потому, что мы не достигли еще величія, понять это сліяніе воедино того, что *намъ* кажется противоположнымъ по самой природѣ своей. И, тѣмъ не менѣе, одна изъ глубочайшихъ истинъ вселенной заключается въ томъ, что чѣмъ шире пониманіе, тѣмъ совершеннѣе, нѣжнѣе и любовнѣе отношеніе къ подробностямъ, тѣмъ глубже сочувствіе ко всему, что живетъ и дышитъ. Несомнѣнно, что по ширинѣ кругозора Логосъ нашей системы выше Учителей, которые служатъ по Его указанію, но даже Ихъ тѣсный союзъ съ преданными учениками не столь тѣсенъ, какъ единеніе Бога со всѣмъ міромъ. Въ буквальномъ смыслѣ вѣрно то, что сказала Христосъ: „ни одинъ воробей не падетъ мертвымъ безъ воли Отца“. Для этой всеобъемлющей Любви и Жизни, все живое, составляющее часть Его самого, безконечно дорого и цѣнно. Въ безграничности Разума, обнимающаго и поддерживающаго все и всѣхъ, всѣ различія исчезаютъ, такъ что мысль поэта: „Онъ ближе къ тебѣ, чѣмъ твое дыханіе, ближе чѣмъ руки и ноги твои“... буквально примѣнимо къ Логосу нашей вселенной. Вѣрно также и то, что Тѣ, въ комъ Его духъ проявился ясиѣе, чѣмъ въ насъ, которые одинаково совершенны и въ знаніи, и въ глубинѣ своего состраданія,—болѣе сходны съ Нимъ, чѣмъ мы сходны съ Ними.

Тѣмъ не менѣе, идеаль, который Они представляютъ собою для насъ, мы должны стремиться осуществлять въ нашей жизни, насколько это для насъ доступно. Ибо какъ разъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ расширяется наше знаніе и углубляются, утончаются и дѣлаются болѣе чуткими наши эмоціи, и мы подвигаемся по пути, который приведетъ насъ къ достиженію Ихъ совершенства. И въ этой статьѣ я хочу показать безконечную важность для cadaго изъ насъ, какъ члена общества, члена націи или семьи,—попробовать соединить воедино и осуществить въ нашей общественной жизни эти два вида и широко охватывающаго, и въ то же время внимательнаго къ подробностямъ, чуткаго и нѣжнаго чувства ко всѣмъ. Въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ мы достигаемъ Мудрости, которая есть осуществленіе Единой Жизни, должны мы проявлять и Любовь, которая выражаетъ собой единство Мудрости, проявленной въ разнообразіи формъ. Соединеніе формъ силою Жизни есть то, что мы знаемъ какъ Любовь; такимъ образомъ, Мудрость—на высшемъ планѣ—есть Любовь на планѣ эмоцій. И по мѣрѣ того, какъ Мудрость начинаетъ распускаться

на высшемъ планѣ, ея отраженіе въ нашихъ эмоціяхъ должно также расцвѣтать. Именно это сознание — въ нашей собственной жизни—одинаковой необходимости и знать и любить — создаетъ то стройное совершенство характера, къ которому всѣ мы должны стремиться. Въ прошломъ мы развивались одностороннимъ образомъ: то преимущество въ сторону знанія, то въ сторону любви и симпатіи. Но теперь, когда мы начинаемъ понимать вещи лучше, нашъ долгъ взять всѣ наши эмоціи въ собственныя руки и сознательно руководить нашимъ развитіемъ. И тогда мы увидимъ, что оба эти явленія, которыя кажутся такими различными здѣсь, на землѣ, въ дѣйствительности, являются лишь двумя видами одной и той же Жизни, проявленной на высшихъ планахъ бытія. И по мѣрѣ того, какъ мы будемъ признавать эту истину разумомъ и осуществлять ее въ области чувства, мы начнемъ развивать въ себѣ тотъ видъ характера, который приблизитъ насъ къ возможности Посвященія въ Высшую Жизнь, мы приготовимъ себя для той ступени мудрости, которая откроетъ наше зрѣніе на духовномъ планѣ (Buddhi).

Большимъ препятствіемъ для возрастанія въ насъ мудрости и для очищенія и углубленія нашихъ эмоцій является наше непостоянство, то, что мы называемъ нашими измѣнчивыми настроеніями.

Послѣднія же въ одно и то же время и странны, и поразительны: странны потому, что они измѣняютъ наше отношеніе къ тѣмъ самымъ вещамъ, въ которыхъ мы особенно глубоко убѣждены, и поразительны по той огромной силѣ, которую они имѣютъ надъ нами. Въ весенніе дни, когда облака и солнечный свѣтъ быстро смѣняются одно другое, тотъ же самый пейзажъ является то темнымъ, то снова яркимъ, или уже одна его часть свѣтится, тогда какъ другая затемнена облаками и т. д. И по мѣрѣ того, какъ облака смѣняются солнечнымъ свѣтомъ, и вся видимость вещей, то затемненныхъ, то освѣщенныхъ, мѣняется; рѣка, сверкающая подобно серебру подъ лучами солнца, течетъ сѣрая и тусклая подъ навѣсомъ облаковъ. Мы видимъ эти перемѣны и знаемъ, что онѣ зависятъ отъ облаковъ и отъ солнечныхъ лучей, смѣняющихъ другъ друга на поверхности вещей, и именно эта смѣна и производитъ впечатлѣніе огромной внѣшней разницы. То же и съ нами. Эти настроенія, имѣющія такую огромную власть надъ нами, такъ вліяющія на насъ, представляютъ собой чередующіяся облака и солнечное сіяніе умственного и эмоціональнаго темпераментовъ, главнымъ образомъ, послѣдняго. Ибо хотя

и вѣрно, что умъ бываетъ иногда смѣтливый, иногда тупой, иногда быстро схватывающій, иногда медленный, то охотно работающій, то наклонный къ лѣни—все же эти измѣненія идутъ въ сущности не изъ природы ума, но вслѣдствіе измѣнчивой игры свѣта и тѣни, возникающихъ при его соприкосновеніи съ эмоциональной сферой. Если мы хотимъ справиться съ набѣгающими на насъ настроеніями, мы должны прослѣдить ихъ происхожденіе въ области эмоцій и научиться, какъ слѣдуетъ обращаться съ ними.

Я ставлю рядомъ настроеніе солнечное и облачное, ибо свѣтлое состояніе точно также настроеніе, какъ и мрачное; они идутъ совмѣстно, какъ „пара противоположностей“, и если мы начнемъ наблюдать за собой, мы увидимъ, что въ полномъ соотвѣтствіи съ глубиной угнетенности одного момента, будетъ высота сіянія и радости другого момента. Люди, неспособные на глубокое уныніе, неспособны и на большой восторгъ, и именно тѣ, которые отличаются особенно свѣтлымъ подъемомъ духа, способны въ иное время доходить до необычайнаго отчаянія. Ибо здѣсь все дѣло въ колебаніи эмоцій, и какъ при качаніи маятника, чѣмъ болѣе онъ качнется въ одну сторону, тѣмъ болѣе будетъ его размахъ въ противоположную сторону,—то же самое и съ нашими эмоціями. И нужно замѣтить, что свойство это принадлежитъ преимущественно западнымъ народамъ, и чѣмъ болѣе подвигаемся на Востокъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ эта необыкновенная переменная настроеній, свойственная Западу; конечно, нельзя сказать, чтобы настроеніе у восточныхъ народовъ совсѣмъ не мѣнялось, но тамъ переменны почти не замѣтны для человѣка, привыкшаго къ рѣзкимъ переходамъ у людей на Западѣ. Во время моего пребыванія въ Индіи я сама испытывала большое затрудненіе отъ своихъ западныхъ свойствъ и мнѣ стоило постоянной борьбы, чтобы достигнуть той уравновѣженности, которая является естественнымъ состояніемъ духа у обыкновеннаго культурнаго Индуса. Я не знаю интимнымъ образомъ другихъ восточныхъ націй, но по всему, что я слышала, можно думать, что той же ровностью настроенія отличаются и остальные восточные народы. Подобная ровность представляетъ огромное преимущество: она не допускаетъ шаткости у человѣка, и если мы знали его преданнымъ опредѣленной идеѣ, можно быть увѣреннымъ, что мы его встрѣтимъ неизмѣнившимся и черезъ долгій промежутокъ времени. Наоборотъ, настроеніе у насъ на Западѣ мѣняется постоянно, даже по отношенію къ нашимъ идеаламъ. Мнѣ хотѣлось бы остановиться на минуту, чтобы рассмотреть нѣкоторыя настроенія,

которыя не задѣваютъ насъ особенно глубоко, и выдѣлить ихъ изъ ряда затрагивающихъ насъ значительныхъ настроеній.

Прежде всего, нѣкоторая часть нашихъ измѣнчивыхъ настроеній происходитъ отъ нервовъ. Весьма часто угнетеніе и приподнятое состояніе, раздражительность или спокойствіе—являются въ полной зависимости отъ состоянія нашихъ физическихъ нервовъ. И тотъ, кто стремится къ самопознанію, долженъ умѣть отличать настроенія этого рода отъ болѣе серьезнаго источника.

Всѣ подобныя перемѣны могутъ быть побѣждены, и отъ нихъ можно отдѣлаться достаточнымъ количествомъ благоразумія, здраваго смысла и вдумчивостью. Прежде всего мы должны отдѣлать ихъ отъ болѣе серьезныхъ настроеній. Мы должны разбираться въ той роли, которую наше нервное состояніе играетъ въ измѣненіи нашихъ настроеній: излишнее напряженіе нервной системы, нѣсколько большая усталость, немного меньше сна, все это и вызываетъ разницу въ настроеніяхъ этого типа. Когда мы придемъ къ заключенію, что для разумнаго существа необходимо владѣть своими настроеніями, мы будемъ стремиться достигнуть этого, сохраняя здоровымъ наше тѣло, мы будемъ видѣть въ этомъ долгъ относительно себя самихъ и относительно окружающихъ. Когда тѣло наше теряетъ обычную норму своего здоровья, послѣдствіемъ этого—если мы только не очень сильны—будетъ неизбѣжное нервное воздѣйствіе на наше настроеніе. Для того, чтобы предупредить это, мы достаточно сильны, но у насъ не хватаетъ силы противиться этому воздѣйствію и чувствовать себя такъ, какъ если бы нервы наши были въ порядкѣ.

Отсюда является необходимость разумно соразмѣрять наши силы съ нашей дѣятельностью. Дѣло вовсе не въ размѣрѣ совершаемой работы, а въ правильномъ соотношеніи между количествомъ работы и нашей способностью совершить ее. Количество работы, на которую способенъ одинъ, для другого будетъ совершенно иное, поэтому бесполезно судить по количеству работы; мы должны размѣрять силы личности, насколько онѣ позволяютъ совершать опредѣленное количество работы безъ вреднаго напряженія. Вотъ здѣсь-то и требуется вмѣшательство здраваго смысла и мудрости. Мое собственное правило при опредѣленіи размѣра моей работы состоитъ въ томъ, что я, зная размѣръ своихъ силъ, соображаю, *какое* количество обращенныхъ ко мнѣ требованій я могу удовлетворить, и затѣмъ я уже не выхожу изъ этой нормы, а это бываетъ иногда очень трудно и требуетъ суровой рѣши-

мости не поддаваться чувству и ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ начертанной границы. И все-же, это — единственно вѣрное правило для ученика и не только потому, что онъ не имѣетъ права разбивать свои силы, которыя онъ рѣшилъ отдать на служеніе своему Учителю, но и потому, что нашъ „долгъ“ дѣлать только то, что въ нашихъ силахъ; все-же, что не есть долгъ, является ненужной тратой силъ. Это чрезвычайно важный урокъ въ оккультизмѣ: мы не можемъ дѣлать успѣшно болѣе того, что должны *сдѣлать*; если мы пробуемъ дѣлать болѣе, все сдѣланное *внѣ* долга есть лишь потеря времени и труда. Кромѣ того, дѣлая нѣчто, не входящее въ кругъ нашего долга, мы тѣмъ самымъ препятствуемъ другому совершать его долгъ, и дѣлаемъ мы это по большей части изъ самообольщенія, воображая, что другіе не могутъ сдѣлать того-же дѣла не хуже насъ. Въ дѣйствительности, то-же самое могутъ сдѣлать и другіе. Этотъ урокъ изъ оккультной экономіи я совѣтую запомнить всѣмъ, склоннымъ напрягать свои силы и разбивать ихъ. Это большая ошибка и при томъ мѣшающая эволюціи тѣхъ, кто окружаетъ насъ; они не менѣе насъ нуждаются въ развитіи, и мы не имѣемъ права, отнимая у нихъ благопріятный случай, препятствовать ихъ служенію жизни. И поэтому нервное переутомленіе отъ непосильной работы является безусловнымъ зломъ.

Перейдемъ теперь къ другого рода настроеніямъ, которыя нерѣдко бываютъ очень болѣзненны главнымъ образомъ потому, что мы не понимаемъ ихъ истиннаго смысла. Я имѣю въ виду тѣ настроенія, которыя происходятъ отъ нашей растущей чувствительности къ сверхфизическимъ вліяніямъ, пока мы еще не достаточно подвинулись, чтобы ясно различать, отъ чего они происходятъ. По мѣрѣ того, какъ мы развиваемъ свое астральное тѣло, оно не только получаетъ все болѣе впечатлѣній изъ астральной сферы, но и все чаще передаетъ ихъ физическому тѣлу, и этимъ путемъ на насъ находятъ тяжелыя настроенія, не поддающіяся отчету. Въ дѣйствительности, такое настроеніе бываетъ очень часто тѣнью, идущей изъ астральнаго міра, до которой намъ лично также мало дѣла, какъ потоку до облаковъ, набрасывающихъ на него тѣнь. Эти облака идутъ на насъ изъ астральнаго міра иногда потому, что любимый человѣкъ, находящійся съ нами въ разлукѣ, страдаетъ, иногда вслѣдствіе приближенія какого-либо несчастья, тѣнь отъ котораго предшествуетъ ему; иногда это бываетъ признакомъ бѣдствія не для непосредственно близкихъ намъ людей, а для находящихся недалеко отъ

насъ; отъ надвигающихся бѣдствій идутъ вибраціи, вызывающія въ насъ бессознательный, сочувствующій отвѣтъ, и чѣмъ шире становятся симпатіи, тѣмъ легче подобная причина можетъ повергнуть насъ въ тяжелое настроеніе. Такъ, человѣкъ сильно чувствующій общественныя невзгоды, глубоко заинтересованный въ благѣ большинства своего народа, долженъ тяжко страдать отъ общественныхъ бѣдствій, надвинувшихся на его современниковъ. Возьмемъ въ примѣръ такое явленіе, какъ крупная забастовка. Многіе люди, непосредственно не страдающіе отъ нея, могутъ — тѣмъ не менѣе — испытывать сильное угнетеніе, идущее отъ дѣйствительныхъ страданій рабочихъ, участвующихъ въ забастовкѣ; то-же самое относится ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, надвигающимся или уже наступившимъ.

Что-же остается дѣлать тому, кого одолѣваютъ подобныя тяжелыя настроенія? Единственный правильный способъ отношенія къ нимъ состоитъ въ ясномъ и опредѣленномъ признаніи закона; въ сознаніи, что ничто внѣ этого закона не можетъ коснуться насъ или другихъ; чувство, что все совершающееся дѣйствуетъ для благой цѣли; глубокое внутреннее убѣжденіе, что совершенно такъ-же, какъ личному бѣдствію необходимо противопоставить мужество и терпѣніе, такъ-же должны мы поступать и съ этими неопредѣленными, темными настроеніями.

Ихъ неопредѣленность не должна одолѣвать насъ, ихъ темнота не должна дѣлать насъ слѣпыми къ дѣйствию закона; и мы должны поддерживать въ себѣ такое расположеніе духа, которое всѣ явленія встрѣчаетъ безъ страха, памятуя, что Богъ (Брахманъ) „не вѣдаетъ страха“, и что тотъ, кто желаетъ раздѣлять божественныя свойства, долженъ участвовать въ божественномъ безстрашии. Выработанный духъ мужества, не знающій страха, поможетъ человѣку стать лицомъ къ лицу съ міромъ, въ которомъ тучи чередуются съ солнечнымъ свѣтомъ, и переносить и то и другое, не допуская унынію овладѣвать имъ, ибо онъ знаетъ, что мы имѣемъ дѣло съ тѣнью, бросаемою на насъ извнѣ, и не должны допускать, чтобы тѣнь эта вліяла на Свѣтъ, пребывающей внутри Насъ.

Спокойное сознаніе, что многое, что вызываетъ въ насъ уныніе, идетъ изъ астральной сферы, ведетъ обыкновенно къ уничтоженію астральнаго вліянія на насъ, и отводитъ для него надлежащее ему мѣсто въ ряду интересныхъ психологическихъ фактовъ, которые *не* должны нарушать ясность нашего духа.

Вотъ къ этимъ двумъ категоріямъ я и причисляю болѣе незначительныя настроенія: тѣ, которыя идутъ отъ нервной системы, и тѣ, которыя идутъ изъ астральной области. И вы всѣ, такъ сильно желающіе развить ваши внутреннія психическія способности, вы должны спросить себя: какимъ образомъ, поддаваясь такъ сильно вліянію лишь тѣней, отбрасываемыхъ астральными явлениями, будете вы въ состояніи стать лицомъ къ лицу съ самими явлениями астрального міра? Какимъ образомъ будете вы справляться съ физической жизнью, если въ умѣ вашемъ будутъ постоянно тѣ самыя явленія астрального міра, даже тѣнь отъ которыхъ, бросаема на бодрствующее сознание, способна такъ сильно удручать васъ? Поэтому лучше, чтобы ваше внутреннее зрѣніе оставалось закрытымъ до тѣхъ поръ, пока вы не перерастете самую возможность поддаваться такимъ настроеніямъ и не укрѣпите свою вѣру въ незыблемость законовъ. У васъ не осталось бы ни одной минуты внутренняго покоя, еслибы эта расширенная жизнь стала надвигаться на васъ со всѣхъ сторонъ, вы не съ умѣли бы спокойно встрѣчать темныя стороны и теряли-бы равновѣсіе отъ ея свѣтлыхъ явленій.

— Переходя отъ менѣе важныхъ къ болѣе важнымъ настроеніямъ, посмотримъ, въ чемъ лежитъ причина, что мы временами бываемъ полны энтузіазма, а временами остаемся совершенно равнодушны? Почему бываетъ такъ, что наша теософическая работа является передъ нами тѣмъ единственнымъ, ради чего стоитъ жить, а въ другое время мы бываемъ совершенно равнодушны къ ней, и если говорить вполнѣ честно—у насъ нѣтъ къ ней ни любви, ни стремленія? Испытывать такое настроеніе—вещь очень тяжелая, особенно потому, что это заставляетъ сомнѣваться въ себѣ, заставляетъ полагать какое то страшное паденіе; на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ; болѣе того, это чувство равнодушія къ нашимъ собственнымъ идеаламъ само по себѣ ничего не значить. Значеніе имѣютъ наши проявленія: не того, *что* мы чувствуемъ, а какъ мы *поступаемъ* подъ властью подобныхъ чувствъ, вотъ что имѣетъ огромное значеніе и здѣсь — пробный камень для нашего энтузіазма. Поступаемъ ли мы, когда на насъ находится такое равнодушіе, совершенно такъ же, какъ если бы его не было? Достаточно-ли мы сильны, чтобы, испытывая эту мертвую полосу, продолжать дѣйствовать совершенно такъ же, какъ въ минуты наиболѣе сильнаго одушевленія? Можемъ-ли мы работать такъ-же напряженно, служить съ такимъ-же самоотверженіемъ, отдаваться съ такою-же полнотою, когда нашъ идеаль покры-

вается тѣнью и тускнѣетъ, какъ и въ минуты, когда онъ ярко сіяетъ передъ нами? Если мы это можемъ, наша преданность имѣетъ цѣну; если-же нѣтъ — намъ предстоитъ еще многому научиться. Возможность такихъ колебаній въ настроеніи нужно всегда имѣть въ виду; и они снова и снова возвращаются, пока человѣкъ не поднялся очень и очень высоко. Трудно даже опредѣлить, на какой именно высотѣ человѣкъ отдѣляется вполнѣ отъ кажущагося колебанія въ своемъ внутреннемъ отношеніи къ идеалу.

Какъ-же слѣдуетъ относиться къ подобнымъ настроеніямъ? Прежде всего, слѣдуетъ признать то, что называется Закономъ ритма, на который Е. П. Блаватская указываетъ въ своей „Тайной Доктринѣ“, какъ на одну изъ основныхъ истинъ; слѣдуетъ прибавить, что очень мало людей, вполнѣ понимающихъ значеніе этого закона, когда дѣло коснется ихъ собственныхъ переживаній. Что такое эти чередующіяся настроенія энтузіазма и равнодушія, какъ не неизбѣжныя выраженія этого закона періодичности? Всѣ эти смѣняющіяся настроенія эмоціональной и интеллектуальной жизни такъ же неизбѣжны, какъ смѣна дня и ночи. Безъ подобной смѣны мы очутились бы въ положеніи человѣка, пребывающаго или въ постоянномъ дневномъ свѣтѣ или въ постоянной ночной темнотѣ. Но умный человѣкъ долженъ умѣть переносить дневной свѣтъ въ ночную тьму и обратно, что приведетъ его къ тому состоянію высшаго спокойствія, о которомъ говорится въ священ-ныхъ писаніяхъ, къ равновѣсію, удерживаемому при всевозможныхъ условіяхъ. Это вовсе не значить, что день и ночь, что тьма и свѣтъ перестали чередоваться въ его душѣ; это значить, что душа, познавшая законъ, не подчиняется болѣе этимъ перемѣнамъ, не потрясается ими и не смѣшиваетъ ихъ съ своей собственной сущью.

Намъ необходимо признать этотъ законъ чередованія и быть всегда готовыми спокойно встрѣтить измѣняющееся настроеніе. Когда къ намъ приблизится равнодушное настроеніе, нужно спокойно сказать себѣ: „Я испытывалъ энтузіазмъ, теперь необходимо испытать его обратную сторону“. Съ того момента, какъ мы бываемъ способны на такую рѣчь, власть темноты надъ нами уменьшается; темнота остается та же, что и прежде, но мы то сами отдаляемся отъ нея; мы смотримъ на нее, какъ на нѣчто виѣшнее, не касающееся сокровенныхъ глубинъ нашей сути, какъ на нѣчто, принадлежащее нашему измѣнчивому астральному тѣлу. Благодаря самому акту отдѣленія, благодаря признанію закона,

мы начинаемъ вспоминать дневной свѣтъ во мракѣ ночи и вспоминать темноту въ сіяніи дня. Нѣкоторые люди не любятъ вспоминать темноту въ періодѣ свѣта, но если они хотятъ владѣть обоими настроеніями, они *должны* это дѣлать. Они должны обуздывать одинаково и чрезмѣрно восторженные, и чрезмѣрно угнетенныя настроенія.

Нужно прибавить, что первое даже опаснѣе, ибо какъ разъ во время наибольшей приподнятости мы дѣлаемъ вещи, о которыхъ сожалѣемъ впослѣдствіи; и мы теряемъ ту бдительность, которая поддерживается въ насъ въ періодѣ темноты. Часовой менѣе остороженъ днемъ, чѣмъ ночью, вслѣдствіе чего днемъ его легче захватить врасплохъ. Больше ошибокъ мы дѣлаемъ въ періодѣ свѣтлый, чѣмъ въ періодѣ темный. Такимъ образомъ, первымъ условіемъ, чтобы владѣть своими настроеніями, является пониманіе закона ритма.

Слѣдующимъ шагомъ будетъ ясное сознаніе, что идеаль, прекрасный сегодня, останется такимъ же прекраснымъ и завтра, хотя бы его очарованіе и исчезло временно для насъ. Красота остается неизмѣнной, хотя наши глаза—ослѣпнувъ—и не воспринимаютъ ее. Яснымъ свѣтомъ разума должны мы пронизывать сгустившіяся облака, и твердо знать, что бывшее хорошимъ, когда наше зрѣніе было ясно, остается такимъ же, когда тучи нагромоздились вокругъ насъ. И какъ морякъ, направляющій свой корабль по солнцу и по звѣздамъ, когда они не закрыты облаками, руководствуется ими же и тогда, когда небо облачно, также и мы должны руководствоваться солнцемъ и свѣтилами красоты и истины, когда настроеніе наше ясно, и затѣмъ держать свой путь въ томъ же направленіи, хотя бы буря и темнота и скрывали ихъ свѣтъ отъ насъ.

Слѣдовательно, понять законъ періодичности и основывать наши идеалы на разумѣ, а не на однихъ только эмоціяхъ (ибо разумъ остается при насъ, когда эмоціи насъ покидаютъ), вотъ два наиболѣе вѣрныя средства, чтобы сохранять тишину и спокойствіе посреди измѣнчивыхъ настроеній. Ибо твердая рѣшимость—изо дня въ день—сознавать себя Вѣчнымъ и Неизмѣннымъ, отстраняя, какъ постороннее, все, что въ насъ мѣняется,—вотъ тотъ привыкъ, который подниметъ насъ выше настроеній къ неизмѣнному миру. Для этого мы должны отдавать нѣсколько минутъ ежедневно утромъ опредѣленному сознанію: „Я есмь Неизмѣнное Вѣчное Я“. Мы должны повторять это снова и снова, пока это сознаніе не сдѣлается неизмѣнной музыкой нашей жизни, слыши-

мой каждую минуту, когда бы мы ни повернули нашъ слухъ отъ шума вѣшней жизни къ безмолвію внутреннему. Сдѣлаемъ изъ этого сознанія обычную для насъ мысль, и она станетъ со временемъ нашей руководящей мыслью, вѣчно напоминающей, что: „Я есмь Неизмѣнное Вѣчное Я“. Никто не можетъ даже и вообразить всю силу, всю красоту и всю славу этого состоянія, кромѣ тѣхъ, которые прочувствовали его...

Если бы мы могли навсегда сохранить его, мы были бы какъ бы на небѣ; но даже и минутное прозрѣніе вноситъ миръ и красоту Божественнаго въ нашу мелкую земную жизнь.

Эту мысль не трудно вызывать ежедневно при пробужденіи, и если мы будемъ это дѣлать, мы убѣдимся, какое великое значеніе имѣетъ постоянно повторяемая мысль. Мы дѣлаемся тѣмъ, о чемъ мы думаемъ. Всѣ мудрецы учили этому, Священные Писанія всего міра провозглашаютъ то же самое. И эта мысль—изъ всѣхъ нашихъ мыслей—наиболѣе истинная. Въ основѣ насъ пребываетъ вѣчное, неизмѣнное, Божественное Я. Эта мысль вносить въ душу покой и обезвреживаетъ всѣ наши настроенія, не допуская, чтобы они измѣняли направленіе нашей жизни. Я не хочу этимъ сказать, чтобы перемѣны настроенія совсѣмъ покинули насъ, но мы уже не будемъ ошибаться, отождествляя эти перемѣны съ собою. Мы болѣе уже не будемъ чувствовать: „Я счастливъ“ или „Я несчастливъ“, „Меня озаряетъ свѣтъ“ или „Я погруженъ въ темноту“. А мы скажемъ, чувствуя, что наше низшее сознаніе свѣтло или погружено во мракъ, радуется или испытываетъ угнетеніе: „Посмотримъ, *какой* урокъ могу я извлечь для себя и для другихъ изъ испытанія, черезъ которое проходитъ мое низшее я“. Ибо для этого мы и находимся здѣсь, на землѣ, чтобы познать все, что можно познать черезъ эти низшія начала, которыя такъ измѣнчивы и непостоянны, такъ неразумны и капризны. Мы должны изслѣдовать все, относящееся до этихъ уроковъ, иначе какимъ образомъ будемъ мы въ состояніи помогать тѣмъ, которые остаются подъ вліяніемъ этихъ измѣнчивыхъ настроеній. Мы не будемъ помогать другимъ, если сами мы, испытавъ ихъ власть, не научились освободить себя отъ ихъ вліянія, если мы останемся ихъ рабами. Но не испытавъ ихъ на себѣ, мы не могли бы поддерживать другихъ, потому что сочувствовать можно только тому, что когда-либо испыталъ собственнымъ опытомъ. Въ послѣднемъ я убѣдилась, наблюдая надъ восточными народами. Въ нихъ часто не хватаетъ симпатіи къ намъ, благодаря тому, что они сами не испытали тѣхъ перемѣнъ, которыя помогли бы имъ понять наше

измѣнчивое настроеніе. Хорошо узнать личнымъ опытомъ страданія, переносимыя другими, но только узнать, а не быть въ подчиненіи у нихъ. Какъ только мы сами подчиняемся настроеніямъ, мы не можемъ уже помогать. Мы должны научиться одновременно и побѣждать, и помогать; и чувствовать достаточно для того, чтобы симпатизировать, но не для того, чтобы ослѣплялось наше сознаніе; и если мы будемъ въ состояніи относиться къ нашимъ настроеніямъ такимъ образомъ, они немедленно начнутъ терять свою силу и перестанутъ сбивать насъ съ занятой позиціи. Мы убѣдимся, что уже самымъ фактомъ произведеннаго анализа, мы сдѣлались способны отдѣлять свое „я“ отъ нихъ; хотя на первый взглядъ такой анализъ представляется чисто интеллектуальнымъ упражненіемъ, тѣмъ не менѣе мы почувствуемъ себя отдѣленными благодаря самому усилію вообразить себя отдѣльно отъ нихъ. И тогда мы достигнемъ той высшей ступени, о которой такъ часто говорится въ Бхагавадъ-Гитѣ—ступени, поднявшейся надъ „парами противоположностей“, выше „Гунъ“ и будемъ въ состояніи владѣть послѣдними, ибо они и являются тѣми великими силами міра, которыя вліяютъ на насъ, тѣми великими энергіями природы, которыми она пользуется въ своей неустанной дѣятельности. Пока онѣ двигаютъ нами, мы ихъ рабы; но когда мы начинаемъ владѣть ими, отъ насъ зависитъ обратить ихъ на самыя благородныя цѣли *).

Всѣ эти настроенія, которыя кажутся намъ такими тягостными, въ сущности наши лучшіе учителя, и когда мы это поймемъ, мы начнемъ цѣнить ихъ и перестанемъ ихъ бояться. Мы узнаемъ тогда, что они наши враги только до тѣхъ поръ, пока мы не подчиняемъ ихъ, по изреченію Бхагавадъ-Гиты: „Для неподчинившагося „я“— „Высшее Я“ становится враждебно подобно недругу“. Дѣло въ томъ, что всѣ эти бури и водовороты въ нашемъ личномъ „Я“ и являются тѣмъ самымъ, ради чего мы живемъ въ земной средѣ, и мы должны понять это; то, что мы считаемъ своими врагами, въ сущности наши лучшіе друзья, они то и содѣйствуютъ нашему росту; они и вырабатываютъ въ насъ силу, способную побѣждать. Чѣмъ болѣе мы будемъ на все смотрѣть въ этомъ ясномъ свѣтѣ Мудрости, тѣмъ покойнѣе станетъ наша жизнь. Чѣмъ болѣе всѣ эти измѣнчивыя настроенія помогутъ намъ понимать и облегчать другихъ, тѣмъ скорѣе мы поднимемся надъ ихъ враждебной силой. „Мы не побѣдили нашего врага, пока мы не превратили его въ

*) Три Гуны (Tamas, Rajas, Sattva) слѣпыя энергіи природы: неподвижность, страстность, гармонія. *Прим. Ред.*

нашего друга“, вотъ изреченіе, въ которомъ высказана глубокая правда. Это относится какъ къ нашему „я“, такъ и ко всѣмъ измѣнчивымъ настроеніямъ и ко всѣмъ затрудненіямъ, окружающимъ насъ, и ко всѣмъ испытаніямъ и искушеніямъ, черезъ которыя мы проходимъ. Они, подобно вражескимъ сомкнутымъ рядамъ, препятствуютъ нашему пути; но мы побѣждаемъ ихъ, и тогда они оказываются такою же сомкнутой ратью, но уже позади насъ, готовые подчиниться намъ въ борьбѣ, которая ведетъ къ побѣдѣ „Высшаго Я“.

Таковы нѣкоторые изъ уроковъ, которые я восприняла, проходя черезъ свѣтъ и черезъ мракъ, и притомъ гораздо больше черезъ мракъ, чѣмъ черезъ сіяніе дня. Подъ конецъ я пришла къ тому, что періоды свѣта цѣнны только какъ время отдыха для нашихъ силъ, которымъ предстоитъ новая борьба и новая побѣда, и понявъ это, я начала привѣтствовать періоды мрака какъ время, когда служишь и помогаешь міру болѣе, чѣмъ въ ясные дни. И тогда я поняла, что тьма подобна свѣту, а свѣтъ подобенъ тьмѣ; что тьма не имѣетъ силы надъ нами и что тѣ, которые несутъ съ собой свѣтъ, должны жить въ темнотѣ, что свѣтъ, освѣщающій вокругъ себя, ни что иное какъ темный кусокъ дерева, а когда горитъ дерево, свѣтъ появляется для другихъ, а не для него... И какъ научимся мы проникать въ глубину Мрака, который переживали всѣ Спасители міра, если не научимся переносить проходящій мракъ, который надвигается на насъ отъ времени до времени? Величайшій урокъ, который мы можемъ выучить только въ *этой* земной жизни въ совершенствѣ, состоитъ въ томъ, что желающіе помогать міру должны склоняться и поднимать его на свои плечи, что желающіе приносить сіяніе свѣта другимъ должны всѣ тѣни и тучи принять на себя. Но внутри тучи пребываетъ огонь, а въ огнѣ раздается Голосъ Безмолвія, и лишь тѣ, которые имѣютъ мужество итти черезъ тучи, находятъ за ними сіяющій свѣтъ и славу „Высшаго Я“; и они увидятъ Пламя, и познаютъ въ себѣ носителей пламени, дающихъ свѣтъ, и убѣдятся, что свѣтъ и тьма—однородны, ибо они божественны, и безъ одного не могло бы быть и другого.

Перев. Е. П.

